

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
"КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

Научно-популярная статья
Почетные граждане города Кириллова.
Публикация автобиографических воспоминаний
Т.Г. Крутовой

М.Н. Травникова

Положение о присвоении звания «Почетный гражданин города Кириллова» было утверждено в 1976 году решением Кирилловского городского Совета депутатов трудящихся в связи с 200-летним юбилеем города. В списке Почетных граждан Кириллова с 1976 года по настоящее время – 24 человека.

Решением Совета муниципального образования города Кириллова № 62 от 14 июня 2016 года присвоено звание «Почетный гражданин города Кириллова» Крутовой Татьяне Григорьевне, ветерану автономного учреждения «Редакция газеты "Новая жизнь"» за личный вклад в развитие районного средства массовой информацией и активную общественную деятельность.

Вся жизнь Татьяны Григорьевны Крутовой (Варюхичевой) связана с Кирилловым. В 1966 году после окончания Кирилловской средней школы Татьяна Григорьевна поступила в Череповецкий пединститут. По окончании института молодую учительницу распределили на работу в Коварзинскую школу, затем она переехала в Кириллов. С 1972 года Татьяна Григорьевна занималась районным радиовещанием, работала корреспондентом, корректором районной газеты «Новая жизнь». Общий стаж ее работы в редакции – 37 лет.

Публикуемые автобиографические воспоминания написаны Т.Г. Крутовой в 2017 году и переданы в фонды музея (ф. 3, оп. 3). Текст написан синей шариковой ручкой на белых листах писчей бумаги формата А-4, нумерация проставлена автором со 2 листа (с 1 по 21 лист). Сохранена авторская орфография и пунктуация.

Т.Г. Крутова. В редакции. 2017

Воспоминания

Крутовой Т.Г.

Январь 2017 г.

/л.1/

Крутова Татьяна Григорьевна.

Автобиография.

Родилась 18 апреля 1949 года в д. Великое Село Ефимовского района Ленинградской области. Родители мои имеют кирилловские корни: мама (Варюхичева Милица Ивановна – в девичестве Орнатская) родилась в Кириллове, в семье учителей Орнатских, которые работали в Копанской начальной школе. Папа (Варюхичев Григорий Иванович) родился в д. Ольховицы, которая теперь практически слилась с с.Чарозеро.

Познакомились мои родители в Белозерском педагогическом техникуме, а когда окончили его, поженились. По направлению районного отдела образования отправились работать в Ракульскую начальную школу.

/л.1 об./

Деревня Ракула есть и сейчас, стоит в четырех километрах от Чарозера, а точнее перед Чарозером. Мама и папа преподавали в начальных классах. В 1939 году в семье уже было двое детей: старший сын Алик и дочь – погодка Галя.

Весной 1939 года ракульских ребят отправили в армию. Глядя, как лихо отплясывают они в свои последние вольные минутки, папа сказал маме: «А ведь, хорошо, что я учитель!» (Тогда был приказ правительства мужчин-учителей в армию не брать – *М.Н.*) А то осталась бы ты сейчас одна с двумя маленькими детьми.

Мама от такой перспективы даже разревелась. Слу-

/л. 2/

чись такое, как бы тогда жить без помощника: в школе уроки, а дома сыну два года, а дочке и того меньше. И тут же облегченно вздохнула: ей то такая участь не грозит. За мужем она как за каменной стеной.

Но прошел август – и все изменилось. С мужчин-учителей бронь сняли, и папа отправился служить в армию, попал на Западную Украину, совсем недавно присоединенную к России.

Маме надо на уроки идти, а детей девать некуда, и няню найти невозможно, все бабушки со своими внуками нянчились. Пришлось просить, чтобы перевели на работу в Кириллов. Моя бабушка Федосия

/л. 2 об./

Никифоровна Орнатская к тому времени вышла на пенсию, жила одна, деда уже не стало. Бабушка стала присматривать за внуками, а мама пошла работать в школу глухонемых детей (так она тогда называлась).

Письма от папы шли часто, последнее было в июне 1941 года. Писал, что через несколько дней его демобилизуют, значит, скоро будет дома. Не знал он тогда, что в Кириллов попадет только в 1947 году. Часть, где он служил, 22 приняла на себя первый удар немецкой армии. Немногие уцелели, да и те почти сразу попали в плен, в том числе и мой

/л. 3/

отец, который был глубоко контужен. Много испытаний выпало на его долю: плен-побег, плен-побег, плен-побег. И только последний, уже в конце войны, оказался удачным: попали к союзникам – американцам, потом – к своим. Раз был в плену, то прошел через многочисленные проверки. И пока они шли, всех, кто был вместе с папой, отправились в Донбасс на шахты.

И только оттуда мама получила первое с июня 1941 года письмо от мужа. Дочь Галю уберечь не удалось, в войну умерла от тифа. Мама взяла сына и по-

/л. 3 об./

ехала к мужу в Донбасс. В Кириллов семья вернулась в 1947 году. У мамы на руках был грудной сын Юра.

В тот год был страшный голод, продуктов не было никаких, из-за неурожая все подобрали. Отец с войны да с шахты вернулся очень ослабленным, стали все чаще и чаще повторяться голодные обмороки. На семейном совете решили с мамой, что здесь не выжить. Решили поехать к папиной сестре Паше, которая жила на станции Ефимовская (тогда это был районный центр) Ленинградской области. Узнав, что наша семья голодает, тетя тут же позвала к себе. Парасковья Ивановна Варюхичева в Ефимовской всегда была на руко-

/л. 4/

водящих должностях, то есть считалась номенклатурным работником. Муж погиб на войне, и она одна воспитывала троих сыновей. В её трёхкомнатной квартире одна была выделена нашей семье. Поровну делилась тетя Паша и своим пайком.

А потом родители устроились на работу в начальную школу в д. Великое Село, в 7–8 километрах от Ефимовской (сейчас этой деревни уже нет). Папа был заведующим, мама

– учителем. Вдвоем преподавали в четырех классах. В этой деревне в апреле 1949 года и родилась я. Родители были

/л. 4 об./

очень рады, что родилась дочка. Может, так бы и прижились мы там, но у отца стало резко ухудшаться здоровье, даже лечение в санатории не помогло. Стало ясно, что в школе работать он уже не сможет.

В 1952 году мама с Юрой и мной поехала летом в Кириллов навестить бабушку. Так я впервые попала в этот город, на родину моей мамы...

Мама пришла в ужас, что за годы её отсутствия здоровье бабушки резко ухудшилось. Стали уговаривать отца вернуться в Кириллов навсегда. Уговорила. С тех пор Кирил-

/л. 5/

лов я считаю своей родиной.

Отец, пока не вышел на пенсию по инвалидности, работал библиотекарем в культпросветучилище (так оно называлось в те годы). Мама вернулась на работу в школу глухонемых. Я любила туда ходить. Соберу компанию, и идем якобы мою маму проведать. А на самом деле бродили по территории монастыря, забирались, куда только можно и даже нельзя. Особенно любили подниматься на винтовую лестницу и на Московскую башню. До сих пор не понимаю, как же никто из нас при этом не сорвался, не убится, ведь ступенек в башне

/л. 5 об./

практически не было, лезли по пазам от ступенек. Зато какая панорама открывалась сверху! Дух захватывало при виде синих озер, окаймлявших город со всех сторон, и буйной зелени вокруг. В башне всегда были раненые или больные птицы, слабые птенчики. И мы никогда не возвращались домой с пустыми руками. Потом старательно выхаживали своих найденышей, но выживали не все. И это становилось нашей общей трагедией. Давали себе слово, что не будем больше брать птиц домой. Но проходило какое-то время – и все повторялось снова.

/л. 6/

Не менее интересно было на работе и у отца. Заберусь в книгохранилище и перебираю книги на стеллажах, рассматриваю картинки, кое-что по слогам читаю. Ничего не пойму, а все равно интересно. А выйдешь в коридор: из-за одних дверей льется музыка, из-за других – пение, но чаще всего пели ноты. И все меня знали, тормошили на переменах, расспрашивали, особенно девчонки любили спрашивать про моего старшего брата.

Жили мы на улице Гагарина (тогда Советская Набережная), в полутора кварталах от училища. Сейчас там стоит дом

/л. 6 об./

В.А. Сажиной. И во всех домах квартировали девчонки из училища. Помню совсем молоденькую Аллу Кучугуру, ее мужа Виктора, они только-только поженились. Очень хорошо помню Римму Александровну Мелехову, она уже начала преподавать в училище. А Александр Александрович был учащимся. Когда они поженились, это была очень красивая и явно счастливая пара. Примерно в тоже время поженились и Тельновы. Немного позднее – Т.В. и К.С. Церковницкие.

В 1956 году я пошла в первый класс Кирилловской восьмилетней школы. Директором был Александр Иванович Терентьев – отец Надежды Ал. Шириновой и Татьяны Ал. Птицыной.

/л. 7/

Александр Иванович – бывший фронтовик, удивительно чистой души человек, талантливый педагог, преподавал историю. Я не помню случая, чтобы он хоть на кого-то повысил голос. Но все, даже самые отпетые разгильдяи, его слушались, потому что уважали.

Моей первой учительницей была Ольга Александровна Мазилова, о которой у меня остались самые теплые воспоминания. Муж Ольги Александровны был секретарем райкома партии, и через несколько лет его перевели по службе в Вологду. А наша школа лишилась очень хорошего педагога.

В начальных классах я училась очень легко. Помогало то, что читать научилась в пять лет, и с тех пор чита-

/л. 7 об./

ла запоем. Тем более, что в детский сад меня родители не отпустили, я была под присмотром бабушки. В шесть лет мама отвела меня в детскую библиотеку, и стала я бегать туда менять книжки через каждые 3–4 дня. Прописных букв я тогда не знала, расписывалась печатными. Получалось крупно, входила только часть фамилии – «Варюхи». Однажды стоявший за мной в очереди третьеклассник увидел, как я расписываюсь, и громко расхохотался. А библиотекарь пристыдила его: мол, ты большой, а до сих пор по слогам читаешь, да и всего-то прочел несколько книжек. А у нее уже второй вкладыш в формуляре. С тех пор меня до второго класса в библиотеке обслу-

/л. 8/

живали без очереди, да, бывало, и приберегали мне самые интересные книжки.

Неожиданно трудным оказался для меня 5-й класс. Долго привыкала к учителям, к тому, что у каждого своя манера преподавания, свои требования. И уже тогда осознала, что склад ума у меня гуманитарный, к точным наукам отношение очень прохладное. Правда, троек по этим предметам не было: самолюбие не позволяло иметь оценки ниже четверки.

Два года классным руководителем у нас был Адольф Филиппович Морозов, тогда еще преподававший физкультуру. А в 7–8 классах – Вла-

/л. 8 об./

димир Михайлович Кузьмин. Помню, как апрельским днем Адольф Филиппович буквально влетел в класс и сообщил сногшибательную новость: наш космический корабль с космонавтом на борту совершил полет вокруг Земли!.. Что тут поднялось! Мы сами даже не ожидали, что с таким бурным восторгом воспримем это известие: кричали «Ура!», прыгали, смеялись, ребята ходили чуть ли не на головах. То же творилось и в других классах, и никто нас не унимал. На уроке не могли успокоиться, все представляли, как летит в небесной бездне советский космический корабль с нашим космонавтом на бор-

/л. 9/

ту. И имя его уже знали: Юрий Гагарин!

Еще запомнился общешкольный митинг в поддержку революции на Кубе. Мы тогда мало что смыслили в политике, и остров Кубу плохо представляли, но понимали, что люди там хотят жить так, как мы в СССР, а Америка пытается задушить кубинскую революцию. И песня «Куба – любовь моя» надолго стала нашей любимой.

Светлые воспоминания остались о пионерских кострах в местечке Светлица возле Святого озера, которые организовывала 19 мая наша старшая пионервожатая Елизавета Матвеевна Назарова.

В 1961 году нашей семье

/л. 9 об./

выделили квартиру № 101 по ул. Гагарина, напротив пристани. Старший брат Альберт уже отслужил на Северном флоте, жил в Вологде, работал корреспондентом в «Вологодском комсомольце», а позднее – редактором. В двухкомнатной квартире мы поселились вчетвером. Папа очень радовался, что у нас теперь свое отдельное жилье. Да только вот почти и не пожил в новой квартире: в октябре 1962 года его не стало.

Смерть отца я переживала очень тяжело. Мама всегда была крайне занята: надо было кормить семью, и она кроме уроков, брала еще и дежурства в интер-

/л. 10/

нате. И моим самым лучшим советчиком, всегда готовым внимательно выслушать, поговорить по душам, ответить на любой мой вопрос, был отец.

В 1964 году я закончила восьмилетнюю школу и подала документы в Кирилловскую среднюю. Директором ее был заслуженный учитель школы РСФСР Иван Кириллович Быстров. Из нашего класса в девятом оказалось всего семь человек, еще несколько – из параллельного, остальные – из сельских школ. В нашем 9 «г» классе оказалось 38 человек,

не меньше было и в других девярых. Классным руководителем у нас был тоже Заслуженный учитель школы РСФСР Федор Федорович Лысачев.

/л. 10 об./

Он старался сплотить наш очень разношерстный коллектив: сначала – во время работы в колхозе (целый месяц!), потом на уроках химии и на классных часах, на которые иногда даже приносил гармонь. Чтобы его не огорчать, мы старательно пели «До свидания города и хаты» и «Светит месяц».

Нам очень повезло с учителем литературы, им оказалась Валентина Ивановна Гостинщикова. Через семь лет ей тоже присвоили звание «Заслуженный учитель школы РСФСР»

Литература мне всегда нравилась, а тут я буквально влюбилась и в нее, и в уроки, и в учительницу. С нетерпением ждала каждого урока, и даже сочинения

/л. 11/

стала писать с желанием, хотелось образно и ярко передать свои мысли и чувства от прочтения произведения. Валентине Ивановне некоторые мои сочинения нравились, и она говорила: «Тебе надо на литфак поступать, это твое призвание – детей литературе учить». Я ее слова всерьез не принимала. И уж никак не думала, что через несколько лет приду в нашу школу с дипломом учителя литературы и русского языка.

Сама я тогда всерьез начала подумывать о журналистике. Но мало было думать – нужно было печататься, чтобы при поступлении представить свои работы на творческий

/л. 11 об./

конкурс. К тому же на факультет журналистики принимали только при наличии двух лет стажа работы. А у меня не было ни того, ни другого.

В 1966 году я закончила среднюю школу, получила аттестат о среднем образовании с половиной оценок «хорошо» и половиной – «отлично». Нужно было решать, что буду делать дальше. А выпуск у нас был особенный, он оказался двойной: школа переходила на 10-летнее обучение и 11-й класс выпускался последний раз. Так и получилось, что и мы были выпускниками, и одиннадцатиклассники тоже. Только у одной нашей школы выпускалось

/л. 12/

более 250 человек! Сейчас же по всему району 100 выпускников не наберется. Из нашего класса сейчас живут в Кириллове В.А. Панова (терапевт), В.Н. Гусев, Е. Шабаров, Г. Тиханова.

Нам, десятиклассникам, не повезло в том плане, что учебные программы были урезаны, ведь вместо трех лет мы должны были пройти их за два года. А при приеме в институты это во внимание не брали, с нас спрашивали так же, как и с тех, кто учился

11 лет. Да и конкурсы в тот год взлетели до небес. Еще бы: сразу столько выпускников по стране, есть из кого выбирать.

Мои подруги подали заявления в Череповецкий пединститут на филфак. А я не стала. Решила зарабатывать журналистский

/л. 12 об./

стаж. И понесло меня в дали дальние – в Горьковскую область, в г. Воскресенск, как будто в своей области районных газет не было! Начала там работать, но вскоре поняла, что в коллективе какие-то раздоры. А меня обе стороны пытаются перетянуть к себе. Это было совсем не по мне, да и по дому стала сразу же очень скучать. И поняла, что никакой романтики здесь не будет. Так и вернулась в Кириллов в самом конце июля. Узнала, что мои подружки уже почти месяц в Череповце, ходят в институт на консультации. И я тоже решила поступать с ними. Утром спускаюсь в Череповце по тра-

/л. 13/

пу с теплохода на пристань, а там уже Валентина Ивановна Гостинщикова стоит. На одном теплоходе ехали и не встретились. Узнала, что я в пединститут буду документы подавать, и говорит: «Что же ты в Москву-то не поехала. Там на факультет журналистики нынче впервые недобор, побоялись, видно, выпускники, что конкурс будет огромный. А потому отменено требование обязательного двухгодичного стажа».

Но я этого не знала, а переигрывать было уже поздно: наступил последний день приема документов для поступления в институт.

/л. 13 об./

Когда пришла в институт, в приемной комиссии у меня уже документы не хотели брать. Мол, запоздала, комиссия уже завершила свою работу. А посмотрели мой аттестат – и документы приняли. Конкурс был шесть человек на место. Подготовиться уже было некогда, но как-то повезло, все сдала нормально, поступила. И даже со стипендией.

На втором курсе меня с подружкой в начале марта отправили в поселок Гремячий Сямженского района замещать учительницу, ушедшую в декретный отпуск. Не знаю, чем при этом ру-

/л. 14/

ководствовался декан факультета, ведь мы были совсем зеленые, даже еще методики преподавания предметов не изучали. Чему же мы могли научить ребят? Но мы дружно согласились. Всей серьезности этого предприятия не понимали, просто поехали за романтикой (я уже во второй раз).

Прибыли в школу. А когда зав. роно узнал, что нас двое, распорядился: одну оставить, другую отправить обратно. Почему-то директор школы оставила меня. И романтики без подруги сразу поубавилось. Поселок лесозагото-

/л. 14 об./

вителей, народ очень разный, но ребята в школе нормальные. Не знаю, научила ли я их хоть чему-то, но мне было интересно.

В институт вернулась только-только к началу сессии. Готовлюсь к экзамену и понимаю, что не знаю ничего!... И времени на подготовку уже нет. Но почему-то опять повезло, сессию закончила только с одной четверкой. Да еще и летнюю практику в пионерском лагере проходить не надо: зачислили мне работу в Гремячем.

После института меня направили в Коварзинскую восьмилетнюю школу. Асфальта тогда не было, и после дождей автобус в ту сторону

/л. 15/

даже не отправляли: все равно на горках в Устье или Панькове засядет и пассажиры дальше пойдут пешком. При таком бездорожье добирались до Кириллова иногда 5 часов. В школе я вела уроки в 6-х и 7-х классах. Но проработала там только год. За это время вышла замуж за Крутова Геннадия Николаевича, он работал строителем. А в Коварзине ничего не строили, работы ему не было. И по этой причине меня перевели на работу в Кирилловскую среднюю школу. Учителей литературы там было достаточно, поэтому мне предложили должность старшей пионервожатой. Но буквально с первых дней сентября

/л. 15 об./

учителя литературы, которые были все уже в предпенсионном возрасте, стали один за другим болеть. И мне пришлось их замещать, вести уроки. А после уроков – свои вожатские дела. Конечно, при такой нагрузке было очень тяжело, много времени уходило дома на подготовку к урокам. Но зато не заметила, как и год пролетел. В память о вожатской работе осталась Почетная грамота ЦК ВЛКСМ. В июне отсидела в комиссии на выпускных экзаменах у десятиклассников, поучаствовала в туристическом слете педагогов района на базе лагеря в Бородаве – и в

/л. 16/

отпуск.

Только догулять его до конца не удалось. Недели за полторы до выхода на работу встретила в городском сквере секретаря райкома партии Галину Антониновну Веденину. И она пригласила меня зайти утром следующего дня в райком КПСС. Гадала-гадала, зачем меня вызывают, но так и не поняла, зачем. Утром пришла, и там меня огорошили: предложили перейти на работу в редакцию районной газеты «Новая жизнь» на должность корреспондента-организатора районного радиовещания. На мои слабые возражения о том, что я в этом деле ничего не смыслю, никто внима-

/л. 16 об./

ния не обращал. Говорили, что нужно выходить на работу срочно и я должна дать согласие сейчас же. Наверное, понимали, что если я выйду из кабинета и хотя бы день подумаю, то уже сюда не вернусь, не соглашусь. Уговорили. Но я все же выторговала условие, что первые две недели буду работать вместе с Александрой Арсентьевной Лукьяновой, которую мне предстояло заменить. Меня заверили, что так и будет. Но когда я в понедельник пришла в редакцию, на столе, за которым я должна работать, лежала записка от А.А.

/л. 17/

Лукьяновой: «Я в отпуске. Зайду через две недели».

А на следующий день вечером должна состояться радиопередача, нужно о всем значимом, что происходит в районе. Где взять материал, сколько его нужно на 15 минут вещания, я не знала. Как-то еще в школьные годы слышала пару передач нашего районного радио – вот и весь мой опыт. Ни района не знаю, ни руководителей, ни людей, к которым можно обратиться за информацией. Ни-че-го не знаю!.. И не сбежишь, раз дала согласие на эту

/л. 17 об./

работу. И даже к газетчикам, которые сидели за стенкой, не догадалась обратиться за помощью. Села за стол, взяла телефонную трубку и стала звонить прямо по справочнику. В общем передачу подготовила вовремя, Да еще перед самой отпечаткой текста ко мне зашел редактор Василий Михайлович Волокитин и протянул листок с сообщением о рекорде на полях колхоза «Красные Талицы». Оно оказалось очень кстати, украсило передачу.

Так я пришла в журналистику. Думаю, что поработаю 2–3 года, пока не

/л. 18/

освободится место литератора в школе, и вернусь туда. Но когда место в школе освободилось, я уже с головой ушла в новую работу.

В мае 1974 года у меня родился сын Сережа. А в начале сентября в райкоме партии мне предложили, а точнее, приказали срочно выйти на работу. Меня замещала А.А. Лукьянова, и она заболела. Даже довод, что я еще кормлю ребенка грудью, не подействовал. Сказали: «У тебя мать учительница, сознательная. Наверняка согласится с внуком нянчиться. А что ребенок грудной – не проблема, своих троих вырастила, разберется».

Так я снова оказалась на работе. Еле дождусь обеден-

/л. 18 об./

ного перерыва, чтобы прибежать покормить ребенка. А уж самой не до обеда. Бежать-то нужно в конец ул. Ленина, путь неблизкий, городской автобус не ходил. Иногда в хорошую погоду мама привозила Сережку на кормление в редакцию. Весь женский персонал сбегался в бухгалтерию. Там на кованом сундуке, в котором хранились писчие принадлежности,

фотобумага и скрепки, распеленывали моего сына, и я его кормила. Лишь спустя полгода случайно узнала от редактора, что мне полагались дополнительно два часа на кормление ребенка.

В 1975 году меня перевели на должность корреспондента районной газеты, вскоре - зав. отделом писем, а затем —

/л. 19/

зав. отделом партийной жизни. Когда КПСС распустили, у нас должности зав. отделами сократили и все мы стали по штату корреспондентами. Но суть работы от этого не изменилась.

За 37 лет работы в редакции какие только темы не приходилось освещать, даже работу сельхозпредприятий района. Но основными у меня были работа партийных и советских органов, школ, детсадов, здравоохранения. После перестройки — освещение деятельности районной, городской и сельских администраций, опять же школ и детсадов, предприятий торговли и др. Готовила тематические страницы «Клуб потребителя» и «Сам себе строитель».

Мне посчастливилось работать рядом с очень интересными людьми: Владимир Макаров, Анатолий Погодин, Александр Кузьмин, Виктор Александрович Румянцев, Владимир Степанович Балукон, Константин Сергеевич Церковникий (ученик моей бабушки). Это благодаря ему я задолго до официального издания прочитала «Мастера и Маргариту» Булгакова. Как-то принес несколько журналов и сказал: «Почитай Булгакова. Стоящая вещь!». Читала две ночи. А потом потихоньку отдала журналы обратно хозяину. Хотелось обсудить прочитанное, но

/л. 20/

тогда еще лучше было об этом молчать. Правда, через несколько лет Россия стала уже гордиться Булгаковым. Для большинства «Мастер и Маргарита» стали настоящим открытием, прорывом в литературе. А я это давно уже прочла, продумала и даже успела переболеть.

Наш редактор Александрович Васильевич Плеханов считал, что районная газета должна освещать жизнь своего района, даже материалы ТАСС давал очень неохотно. А чтобы из номера в номер заполнять газету только своими материалами, нам приходилось ох как крутиться! Из командиро-

/л. 20 об./

вок по району не вылезали. А раньше машины, как правило, были очень ненадежные, ветром продуваемые. Да и застрять могли в любой луже. Так что пешком были исхожены почти все сельские дороги. А когда появился асфальт, и редакции время от времени стали выделять новые машины, работать стало легче. Хотя до дальних деревенок все равно чаще всего приходилось добираться пешком по еле заметным тропинкам, дороги-то давно заросли.

А меня однажды даже угораздило заблудиться в лесу за Печенгой в темную ночь середины сентября. Шла на ночлег в деревню Козлово после целого дня беготни в

/л. 21/

поисках материалов для газеты. Набралось много. И я уже мысленно прикидывала, что из всего этого можно сделать. Задумалась, и не заметила, как перешла на другую тропинку. Опомнилась лишь тогда, когда поняла, что я уже в лесу и никакой тропинки под ногами нет. А на небе ни звезды, о луне и говорить нечего. То, что я из этого леса как-то вышла – это чудо. На следующий день мне показали этот лес. Он, оказывается, уходит на сотни километров в Архангельскую область...

Летом 2009 года моя внучка Аня пошла в детсад. И сразу стала болеть. Боясь за

/л. 21 об./

ее здоровье, я в конце августа подала заявление об уходе с работы. С 1 сентября у меня появилось новое занятие – ухаживать за внучкой. В детсад она ходила мало, сходит несколько раз и заболит. Так что чаще всего была со мной.

Выйдя на пенсию, я продолжала заниматься общественной работой, являясь многие годы членом президиума районного совета ветеранов и членом правления общества инвалидов. Продолжаю эту работу и сейчас. Четыре года возглавляю ветеранскую организацию редакции.

15 января 2017 года. Т. Крутова.